

ЦЕЛЬ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПНОГО СООБЩЕСТВА

Сорокина И.А.

Научный руководитель – доцент Качина Н.В.

Сибирский федеральный университет

Согласно новой редакции ч. 4 ст. 35 преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены в целях совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений для получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды.

При использовании понятия преступного сообщества (преступной организации) в процессе применения на практике необходимо точно истолковывать содержание уголовного закона. Определенные сложности, по нашему мнению, может вызывать толкование цели, которое способно затруднить применение этой нормы. С одной стороны, законодатель расширил ее за счет признания преступным сообществом (организацией) и такой преступной группы, которая объединилась с целью совершения даже одного преступления указанной категории (ч.ч. 4 и 5 ст. 15 УК), а с другой стороны, сузил за счет необходимости установления цели «получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды». Таким образом, при отсутствии последней преступная группа не может быть признана преступным сообществом (организацией).

Такое включение явилось, скорее всего, приведением российского законодательства в соответствие с положениями Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой 15.11.2000 г. и вступившей в силу для России 25.06.2004 г.¹ В ней под организованной преступной группой понимается структурно оформленная группа в составе трех или более лиц, существующая в течение определенного периода времени и действующая с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с этой Конвенцией, с тем, чтобы получить прямо или косвенно финансовую или иную материальную выгоду.

Указание на получение финансовой или иной материальной выгоды как цели преступного сообщества (организации) обусловлено, наверное, характером совершаемых преступных деяний, из самой природы которых вытекает широкомасштабное извлечение преступных доходов – это преступления в сфере экономики, незаконного оборота наркотиков, оружия и т.п. Несмотря на отсутствие мотива или цели корыстной направленности в ранее действующем определении преступного сообщества (организации), авторы подразумевают их наличие в таких преступных группах.

Преступное сообщество (организация), как отмечалось У.Т. Сайгитовым, может действовать путем сбора необходимой информации в выгодных направлениях деятельности; нейтрализации и постепенного коррумпирования административных, правоохранительных органов; использовании легальных форм и структур для создания внешне законной формы своих действий; организации такой структуры управления, при которой организаторы остаются вне пределов досягаемости уголовного закона путем совершения различных преступлений – корыстных, насильственных, должностных и т.д., при доминирующей мотивации достижения корыстной цели и контроля какой-либо сферы или территории².

¹ СЗ РФ. 04. 10. – 2004. – № 40. – Ст. 3882.

² Сайгитов, У.Т. «Коррупция как фактор организованной преступности в сфере экономики (криминологический анализ)»: автореф. дис. на соиск. ученой степени канд. юрид. наук. – Краснодар, 2008. – С. 15.

Однако для уголовного права такой признак, как получение финансовой или иной материальной выгоды, является новационным и требует, конечно, переосмысления с целью избежания ошибок при его толковании. В связи с тем, что элемент «финансовая выгода» в контексте законодательного определения преступного сообщества (организации) не имеет самостоятельного значения, а является лишь описанием такого признака, как материальная выгода (его разновидностью), то и анализу в рамках данной статьи он подлежать не будет. Традиционными для уголовного права, отражающими в части или в целом суть такой цели, как получение материальной выгоды, являются корыстная цель, корыстные побуждения, корыстная заинтересованность. Это следует из анализа разъяснений Пленума Верховного Суда РФ и теоретических положений науки уголовного права. Объединяет все перечисленные понятия термин «корысть».

Так, в соответствии с п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» как убийство из корыстных побуждений следует квалифицировать убийство, совершенное *в целях получения материальной выгоды для виновного или других лиц* (денег, имущества или прав на его получение, прав на жилплощадь и т.п.) или *избавления от материальных затрат* (возврата имущества, долга, оплаты услуг, выполнения имущественных обязательств, уплаты алиментов и др.)¹. В Постановлении Верховного Пленума РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «По делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» под корыстной заинтересованностью предложено понимать *стремление должностного лица путем совершения неправомерных действий получить для себя и других лиц выгоду имущественного характера, не связанную с незаконным безвозмездным обращением имущества в свою пользу или пользу других лиц* (например, незаконное получение льгот, кредита, освобождение от каких-либо имущественных затрат, возврата имущества, погашение долга, оплата услуг, уплаты налогов и т.п.)².

Понимание корыстной цели через получение материальной выгоды, стремление к обогащению, извлечение наживы за счет чужого имущества разделяется большинством авторов³. На такое понимание корыстной цели обратили внимание и ученые, занимавшиеся специальным исследованием понятия корысти в уголовном праве и криминологии⁴. Корысть в русском языке означает «страсть к приобретению, к наживе»⁵, «стремление к личной выгоде, жадность»⁶, «стремление к наживе, выгоде, пользе»⁷. Выгода же понимается как «прибыль; польза, извлекаемая из чего-либо, преимущество, интерес (чаще материальный)»⁸. Стоит отметить, что большинство понятий корыстной цели формируются в теории уголовного права, исходя из закрепления термина «корыстная цель» в понятии хищения. Такие понятия не в полной мере могут отражать сущность корыстной цели для преступлений не связанных с хищением. Для выявления признаков корысти как категории, универсально приспособленной для использования в

¹ БВС РФ. – 1999. – № 3.

² БВС РФ. – 2009. – № 12.

³ Бойцов, А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 299; Кочои, С.М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. – М.: Профобразование, 2000. – С. 114; Лопашенко, Н.А. Преступления против собственности: теорет.-приклад. исслед. – М.: ЛекЭст, 2005. – С. 228 и др.

⁴ Миненок, М.Г., Миненок, Д.М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – С. 54.

⁵ Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. – М., 1955. – С. 171.

⁶ Ожегов, С.И. Словарь русского языка. – М., 1953. – С. 262.

⁷ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М., 1935. – С. 1480.

⁸ Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. Т.1. – М., 1935. – С. 325.

уголовном праве, необходимо исходить из этимологического ее понимания. К этому добавим, что обогащение, получение материальной выгоды, извлечение наживы состоит в том числе и в неуменьшении имущественной массы в случаях невыполнения возмездных обязательств. А корыстную цель и получение материальной выгоды следует рассматривать, по нашему мнению, как идентичные понятия с одной лишь оговоркой (о чем будет изложено ниже).

Вместе с тем стоит отметить, что в Постановлении от 27 декабря 2007 г. № 51 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» Пленум Верховного Суда Российской Федерации под корыстной целью предложил понимать стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц¹. В уголовно-правовой литературе уже прозвучали критические замечания в отношении такого понимания корыстной цели. По сути, в данном случае понятие корыстной цели повторило понятие хищения, и, как правильно отметил С.А. Елисеев: «...Пленум Верховного Суда РФ, по существу, сказал о содержании корыстной цели следующее: корыстная цель как признак хищения представляет собой стремление лица совершить хищение»². На наш взгляд, стремление изъять и (или) обратить имущество в свою пользу охватывает не в полном объеме понятие «корысть» и описание достижения цели через способ достижения является не совсем корректным. Смеем предположить, что Пленум Верховного Суда сделал попытку ликвидировать законодательный пробел за счет приведенного толкования корыстной цели. Наличие такой цели в понятии хищения не прекращает полемики в отношении его содержания, так как не только традиционное для науки уголовного права, но и этимологическое понятие корысти не позволяет усматривать в деяниях виновного признаков хищения в случаях последующего уничтожения похищенного имущества или распоряжения им в благотворительных целях (при отсутствии корыстной цели).

Исходя из изложенного, предлагаем в законодательном определении преступного сообщества (организации) заменить слова «финансовая или иная материальная выгода» традиционной для уголовного права корыстной целью. А в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» дать разъяснение корыстной цели как признака преступного сообщества (организации). Хотя стоит отметить, что понятие такой категории, как «корыстная цель», должно быть едино для всего уголовного права.

Следует пояснить, почему мы не предлагаем включить признак «корыстный мотив (побуждение)», вместо корыстной цели. То положение, что корыстная цель и корыстный мотив – несовпадающие понятия, является бесспорным. Мотив приводит к постановке цели, но сам не является ею. Он стимулятор, побудительная причина, лежащая в истоке акта поведения, а цель – это предполагаемый результат поведения, который лежит в его завершении³. Совершенно естественно, что типичной для корыстной преступности в целом является корыстная мотивация, формирующая корыстную цель. Однако корыстный мотив и цель могут совпадать только при совершении преступления одним лицом, когда корыстная цель поведения преступника способна удовлетворить

¹ БВС РФ. – 2008. – № 2.

² Елисеев, С.А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2007 г. // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты. Материалы III Российского конгресса уголовного права. 29–30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 226.

³ Бойцов, А.И. Преступления против собственности. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – С. 297.

его мотивационные побуждения. Несовпадение их проявляется в групповом совершении преступлений, когда корыстная цель у одних соучастников возникает помимо корыстных мотивов, будучи «подсказанной» или даже навязанной другими соучастниками. Наличие корыстной цели хотя бы у одного из участников преступной группы объединяет их всех «под знаменем» этой цели, несмотря на отсутствие корыстного мотива у других участников. Корыстная цель здесь заключается в стремлении к обогащению соучастников. Наличествовать могут и другие мотивы – стремление доказать свою смелость, желание испытать «острые ощущения», ложно понятые соображения товарищества, желание кому-нибудь отомстить, реализовать свои идеи и т.п.

Как видно, корыстная цель с большей очевидностью выражает стремление к обогащению, получению материальной выгоды, извлечению преступных доходов в преступном сообществе (организации), характеризует корыстную направленность их преступной деятельности.

Более того, и *прямой, и косвенный* характер получения материальной выгоды заложены в самом понимании корыстной цели, присущей совершению преступных деяний в соучастии, где при наличии корыстной цели наличие корыстного мотива может быть не у всех соучастников. Участники преступного сообщества (организации), которые при совершении преступных деяний руководствовались не корыстными мотивами, получают материальную выгоду *косвенно* через обогащение других соучастников. Таким образом, корыстная цель полностью охватывает собой цель получения материальной выгоды как прямо, так и косвенно. Целесообразность замены формулировки «получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды» на корыстную цель подтверждается разработанностью последней в теории уголовного права, традиционностью ее употребления, а также относительной очевидностью ее понимания.

Не является препятствием для такой замены и употребление в указанной выше Конвенции от 15.11.2000 г. цели получения прямо или косвенно финансовой или иной материальной выгоды. Более того, уголовно-правовые меры борьбы с организованной преступностью, разработанные в российском уголовном праве, могут быть восприняты международным уголовным правом. Целый ряд положений этой Конвенции позволяет государствам-участникам влиять на повышение эффективности норм международного уголовного права, направленных на противодействие организованной преступной деятельности. Так, в ч. 2 ст. 28 Конвенции «Сбор и анализ информации о характере организованной преступности и обмен такой информацией» установлено: «Государства-участники рассматривают возможность расширения аналитических знаний относительно организованной преступной деятельности и обмена ими между собой и через посредство международных и региональных организаций. С этой целью в надлежащих случаях должны разрабатываться и использоваться общие определения, стандарты и методология». Представляется, что Конвенция против транснациональной организованной преступности может быть оптимизирована за счет рекомендации государствам-участникам включить во внутреннее уголовное законодательство единое для всех определение преступного сообщества (организации), отражающего наиболее полно суть самого опасного вида организованной преступности.

Подводя итог, мы предлагаем ч. 4 ст. 35 УК изложить следующим образом: преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено структурированной организованной группой или объединением организованных групп, действующих под единым руководством, члены которых объединены для совместного совершения одного или нескольких тяжких либо особо тяжких преступлений в корыстных целях.

В свою очередь в Постановлении Пленума Верховного суда Российской Федерации от 10 июня 2008 г. № 8 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации)» необходимо дать разъяснение корыстной цели как признака преступного сообщества (организации). По нашему мнению, под такой целью следует понимать цель извлечения преступных доходов от деятельности преступного сообщества (организации), цель обогащения, стремления получить материальную выгоду как прямо в свою пользу каждым участником, так и в пользу других участников преступного сообщества (организации), а также избавление от материальных затрат, состоящее в неумножении имущественной массы в случаях невыполнения возмездных обязательств.